

MONGOLICA-XII

Сборник научных статей по монголоведению
Посвящается 130-летию со дня рождения Б. Я. Владимирцова (1884–1931)

К. Ф. Голстунский

Очерк поездки в Калмыцкую степь, совершенной в лето 1886 года

(Подготовка к изданию, предисловие, примечания С. С. Сабруковой)

Предлагаемый «Очерк поездки в калмыцкую степь, совершенной в лето 1886 года» хранится в личном фонде К. Ф. Голстунского (1831—1899) в Архиве востоковедов ИВР РАН. Научный интерес К. Ф. Голстунского охватывает все грани жизни калмыцкой степи. Цель своей поездки автор определяет как желание ближе познакомиться с разговорным языком калмыков. Данный очерк представляет собой отчет о поездке, в котором отражены не только наблюдения автора, но и его видение различных ситуаций, связанных с жизнью калмыков, способы их решения. Данный материал востребован как в научном мире, так и среди читателей, интересующихся историей жизни и бытом калмыков.

Ключевые слова: степь, юрта, духовные, калмыцкая женщина, калмыцкий язык.

К. Ф. Голстунский (1831—1899) ученый монголовед, профессор монгольского и калмыцкого языков в Петербургском университете, неоднократно выезжал в научные командировки в калмыцкие степи. Первая его командировка, самая длительная, состоялась в 1856 г., в результате ее был собран большой словарный материал по дербетским и торгоутским наречиям калмыков, привезена коллекция калмыцких книг и рукописей. Следующая командировка, судя по его второй коллекции рукописей, поступившей в Санкт-Петербургский университет, состоялась в 1862 г. Впоследствии он неоднократно выезжал вместе со студентами или один на время летних каникул в калмыцкую степь [Решетов, 2001. С. 6—13].

Вниманию читателей предлагается отчет о совершенной в период летних каникул, в июне 1886 г., поездке, которая началась от северных границ кочевий калмыков. Автор определяет цель поездки как «желание попривыкнуть к разговорному языку калмыков». В своем очерке он дает яркую картину местности, по которой пролегает маршрут, описывает жизнь людей, встреченных им в пути. В тексте очерка сохранилось большое количество этнографических деталей: описание частей юрты, убранства помещений, костюмов, калмыцкой свадьбы, традиционной кухни. Наблюдения К. Ф. Голстунского дают возможность представить в полной мере состояние калмыцкого общества, начиная с рельефа местности, тяжелых климатических условий и кончая решением конфликтных ситуаций, возникающих между калмыцким и русским населением из-за пастбищных угодий. Не ускользает от внимания Константина Федоровича и жизнь буддийского духовенства. Он по-

дробно описывает церемонию проведения повседневных и торжественных буддийских служб. С большим вниманием и скрупулезностью автор изображает внутреннее убранство кочевых монастырей, рассказывает о музыкальных инструментах, используемых монахами во время проведения ритуальных служб. Подробно останавливается на особенностях их использования. Интерес вызывает общественная жизнь буддийского духовенства, внутренняя структура буддийской церкви. Очерк К. Ф. Голстунского позволяет увидеть картину жизни простых людей и представителей состоятельного сословия — автор подробно описывает тяжелый труд простой калмычки и поведение женщин из княжеского рода.

Главная цель поездки ученого заключалась в освоении калмыцкой разговорной речи. В результате К. Ф. Голстунский дал сравнительный анализ разговорного и литературного калмыцкого языка и выявил различие этих двух языковых форм. Выделив ряд часто встречающихся форм разговорной речи, он сделал удачные попытки найти им книжные соответствия, кроме того, будучи прекрасным монголоведом-лингвистом, он дал собственную оценку состоянию калмыцкого разговорного языка, указав на некоторые особенности его исторического развития на данном этапе.

Отчет К. Ф. Голстунского, содержащий интересные и тонкие наблюдения, касающиеся многих аспектов жизни калмыков, представляет собой ценный источник по изучению жизни калмыков конца XIX в., который заслуживает внимания специалистов-исследователей и любителей-читателей.

Документ хранится в Архиве востоковедов ИВР РАН (шифр Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 5). Представляет собой сброшюрованные листы размером 33,6×22,3 см. Это оригинальная рукопись, написанная чернилами, которые со временем стали выцветать. Читается хорошо.

Пагинация рукописи полистная. Примеры из разговорной речи калмыков в рукописи написаны ясным письмом Зая-Пандиты Намкай Джамцо. В процессе подготовки к изданию примеры для удобства читателей были выделены курсивом и транслитерированы латинским алфавитом.

Очерк публикуется с сохранением авторского стиля.

(1 л.) Границами кочевий Астраханских калмыков на севере справедливо почитается местность колонии Сарепты, и отсюда начну я описание своей поездки в Калмыцкие степи, или, собственно, в кочевья Малодербетовского улуса. Мы выехали из Сарепты¹, этого маленького поселения Моравского Братства, 3-го июня 1886 г., избрав время приблизительно около семи часов вечера: в другую пору выезжать отсюда в степь неудобно, так как невыносимые жары страшно расслабляют здесь особенно непривычных к ним жителей севера и положительно лишают их возможности не только наблюдать, а даже и просто ехать днем. Лошади были наняты нами до Цацы, первой почтовой станции, лежащей уже в пределах калмыцких кочевий и отстоящей от Сарепты приблизительно в 30 верстах². За последними домами и садами Сарепты тотчас же начинается степь, ограничиваемая к востоку берегом Волги, а к западу невысокими возвышенностями, носящими, по всей вероятности, калмыцкое название — Эргени, от эрги или эргинь, — что значит ‘крутой обрыв, крутая возвышенность’. Я выставляю эту догадку, впрочем, только потому, что нахожу вполне возможным происхождение названия Эргэни от калмыцкого эрги, хотя к объяснению этого имени может служить еще и другое обстоятельство. Помянутая возвышенность начинается в 40 верстах от Манычского ильмена³ горою, называемую Ташь-бурунь, и отсюда, постепенно понижаясь, тянется к ее в[остоку] сначала до Сарепты, а затем, еще с большим уклонением на север, до того места, где в Волгу впадает р. Иргись⁴. Это последнее имя не менее, чем калмыцкое эрги, сходно с названием Эргэни. Таким образом, для решения этого вопроса нужно было произвести специальное исследование по памятникам старины, кото-

рых у меня не было под руками, да и в эту пору первой встречи с Эргэнями можно было только любоваться ими.

Взошедшая луна обещала нам прекрасную ночь; мысль о предстоящем знакомстве с невиданным кочевым миром невольно волновала меня, и вообще ничто не располагало ко сну, я решил бодрствовать, по крайней мере до первой станции. В верстах шести от Сарепты лежит большое татарское село Малые Чапурники, имеющее свою особую мечеть и особенно изобилующее ветряными мельницами, тут я увидел мельницы с 6 и даже 8 крыльями. Верстах в трех далее лежит большое русское село Большие Чапурники. Села здешние замечательны тем, что тянутся почти (2 л.) исключительно в длину, вдоль почтовой дороги, на расстоянии 1,5—2 верст. Когда выезжаешь из такого села снова в степь, то кажется, будто выплыл из узкой реки в безбрежный океан. Степь в высшей степени однообразна: ни деревца, ни кустарника — одна выжженная солнцем желтая даль, перерезываемая кое-где бывшими речонками, представляющими в июне, т. е., по-нашему, еще в самом начале лета, уже одни высохшие русла. Но Астраханская калмыцкая степь — не север. От зимнего сна природа оживает здесь в начале марта, в половине этого месяца развиваются почки деревьев и оживляются все весенние травы, в исходе апреля и в начале мая все украшается цветами, а с конца мая все уже начинает блекнуть, и вскоре палящий жар иссушает здесь всякую растительность. Малодербетовский улус, впрочем, представляет собою в этом отношении еще значительное исключение к лучшему, а в глубине степи, как, например, в улусах Багацохуровском, Икицохуровском и Харахусовском, по отзывам калмыков, уже буквально не увидишь зеленой травки — все бывает выжжено солнцем. Приблизительно через полчаса езды от Чапурников мы миновали другое, очень большое русское село — Дубовый Овраг, а отсюда по той же однообразной и ровной степи и без всяких остановок добрались часам к 11 до станции Цаца. Здесь предстояло нам переменить лошадей и пересечь в другой тарантас. Ровно в час ночи выехали мы из Цацы. Выбрав тарантас, на этот раз уже по возможности более удобный для спанья, мы в часу четвертом ночи благополучно добрались до Малодербетовского улусного управления, или, как называют калмыки, ставки, сохраняя это имя, может быть, еще от того, уже давно отжившего свой век, времени, когда при управлениях кочевали и ставки их ханов. Признаться, именно таким становищем какого-нибудь степного владыки и представлял я себе эту ставку. Я думал, что это место служит местопребыванием калмыцкого князя; воображение рисовало мне ряд высоких роскошных шатров, со всевозможным украшением, чуть не конскими хвостами на высоких шестах и тому подобными прелестями. Каково же было мое удивление и разочарование в то же время, когда вместо воображаемого роскошного становища увидел я небольшую группу деревянных домов. Здания в ставке расположены следующим обра-

¹ Сарепта возникла в 1765 г. в процессе государственной хозяйственной колонизации Нижнего Поволжья и юга России. Она представляла собой колонию Евангелической братской общины гернгутеров. С самого начала была миссионерским торгово-промышленным поселением и частью Братской общины, управлялась из Гернгута.

² 1 верста = 1,0668 километра.

³ И л ь м е н ь — водоем или озеро, заросшее камышом.

⁴ И р г и с ь — р. Иргиз, левый приток Волги.

зом: в восточной части этого четырехугольника находятся ворота; к праву от них одноэтажный дом — квартира попечителя. Дом этот довольно уютный (3 л.) особняк из 6—7 больших светлых комнат. Темперешнему попечителю улуса г. Хлебникову⁵, человеку семейному, даже слишком просторно в этом доме. Впрочем, в свободное от занятий время все служащие собираются у попечителя, так что чистые комнаты дома служат как бы *salon de réuimén*⁶ для всех обитателей ставки. Пред домом разбит маленький садик. Влево от ворот находится большой двухэтажный дом, в котором помещается школа учеников интернов; в этом же доме имеется квартира учительницы и фельдшерицы. В летнее время, когда ученики школы распушены, в ней живут обыкновенно переводчики улусного управления, так как зимнее их помещение очень тесное; к дому попечителя примыкает другое одноэтажное строение, в котором помещаются квартиры помощника попечителя и начальника местной казачьей команды. Остальные здания — канцелярия управления, казарма казаков и помещения низших служащих — находятся в задней западной части четырехугольника. Архитектура всех зданий носит однообразный, казарменный характер, исключением является только здание школы; оно построено вроде дачи с крытой галереей в верхнем этаже. Здесь мы должны были повидаться с попечителем, дабы представить ему свои виды и позаботиться о способах дальнейшего передвижения. Ввиду усталости семейства г. Кутузова, а также любезности попечителя г. Хлебникова нам пришлось остаться здесь целый день и даже переночевать. Из ставки до места нашего будущего становища в долине степной речонки Амта Бургуста нам надлежало ехать на юго-запад. Дорог, идущих в этом направлении через калмыцкую степь, несколько. Первая из них называется Томским трактом. По преданию, она проложена была генералом Тотлебенем⁷, который впервые прошел по ней, направляясь через Моздок в Грузию. Путеводительствовал ему при этом полковник Томский, от имени которого дорога и получила свое название. Вторая, так называемая Сальская дорога идет на р. Тунгусту, Зэльмэнь Алмату и т. д. до города Александровка всего на расстоянии 445 верст. В калмыцких степях эта дорога называется теперь больше дорогою «по селениям», так как по ней располагаются поселки русских переселенцев. Первая дорога, напротив, проходит сплошь по степи, и в направлении ее содержится теперь собственно калмыцкая почта, или, по местному названию, калмыцкие почтовые выставки. Благодаря любезности (4 л.) попечителя мы как официальные лица, командированные факультетом, получили возможность ехать

степной дорогой, пользуясь бесплатно калмыцкой почтой. Выехав в 6 часов утра из ставки, мы добрались к 8 часам вечера того же дня до места нашего становища Амта Бургуста. Описывать здесь свою дорогу и природу калмыцких степей мне, как специалисту по части естественных наук, довольно трудно. Вообще, по собранным мною сведениям, оказывается, что большая часть калмыцкой степи должна представлять собою довольно безотрадный вид. Начинаясь от берегов Каспийского моря, она верст на 200 к северу, приблизительно до Копановской⁸ станицы, покрыта иловато-глинистыми и песчаными буграми, которые по своему положению подходят на морские волны. Среди этих бугров во множестве находятся соленые озера, впрочем, не особенно значительные по своему объему. К северу и западу от станицы Копановской залегают пески приблизительно верст на 225 к западу и верст на 150 к северу. Пески эти имеют иногда форму громадных бугров и при бурях нередко переносятся с места на место; хотя многие из песчаных бугров и переносятся, но удерживаются (каким-то) особым видом степного растения, глубоко заседающего в землю своим корнем и расстилающего по верху ее свои ветви. Посещенная мною западная часть калмыцкой степи является самою лучшею и плодородною частью калмыцких кочевий вообще. Вся она располагается по склонам эргэней и изрезана так называемыми балками, которые не что иное, как небольшие долины рек, стекающих с горной возвышенности эргэни и затем пропадающих на Востоке в сыпучих песках степи. Балки эти служат главным местом кочевков калмыков, так как на них имеются наиболее порядочные пастбища для скота. Кочевья представляются в виде отдельных хотонов, т. е. маленьких калмыцких поселков из нескольких юрт. Такими хотонами, или поселками, кочуют вместе обыкновенно близкие родственники.

Приведу теперь маршрут моего путешествия, которое состояло из двух поездок: первая — от ставки Малодербетовского улусного управления до урочища Амта Бургуста, а вторая далее к югу, отсюда до Ульдучинского хурула⁹, находящегося в 30 в[ерстах] к северу от р. Маныча. Из этого описания читателю можно будет составить себе хотя некоторое представление о том, на каком расстоянии находятся друг от друга степные (5 л.) балки, а также о степени населенности этой части степи. Утром 5-го июня, запасшись необходимыми съестными припасами, мы пустились в путь; распростившись с русскими поселениями, которые остались к западу от нашей дороги, мы поехали по калмыцким почтовым выставкам. Таких выставок до Амта Бургуста пять. На расстоянии верст 14 от ставки доехали мы до первой станции Унгун тэрэги, что значит, собственно, «жеребцы заблудились», название это произошло будто бы от

⁵ Владимир Алексеевич Хлебников — отец русского поэта и прозаика Велимира (Виктора Владимировича) Хлебникова (1885—1922).

⁶ *Salon de réuimén* (франц.) — комната отдыха.

⁷ Тотлебен Эдуард Иванович (1818—1884) — военный инженер.

⁸ Современное село Копановка Енотаевского района Астраханской области.

⁹ Монастырь в поселке Ульдучины.

того, что во время одного шургана (метели), сюда были загнаны ураганом жеребцы, которых нашли здесь мертвыми. Едем по степи совершенно без всяких дорог, как бог на душу положит, и происходит это от того, что дорог здесь, собственно, и быть не может: калмыцкие станции перекочевывают с места на место, смотря по траве. По заведенным здесь порядкам, выставка должна кочевать только в известной балке, но в пределах этой балки может менять свое место по произволу. Проводники всегда знают, где в данное время кочует выставка, и направляются к ней по ближайшему направлению. Бывает, впрочем, что выставка перекочует неожиданно, тогда проводник и его путник, приехав на станцию, находят здесь одно только сури (след от стоявшей юрты) и должны уже по следам отыскивать, куда перекочевала почтовая станция. Нужно, однако, заметить, что подобные розыски не продолжаются долго. Калмыцкие проводники, во-первых, прекрасно угадывают следы, а во-вторых, знают обыкновенно все места, где имеется сколько-нибудь сносная колодезная или родниковая вода и где, следовательно, могла расположиться учокававшая станция. Верстах в 10 от Ун-гун тэрэги находилась вторая станция, Дунду хурул (срединный хурул), называемая так от близлежащего монастыря («хурул» по-калмыцки монастырь). Верстах в 15 отсюда Дэдламанийн хурул. На этой злополучной станции мы просидели около 1,5 часа, пока добились, наконец, трех несчастных кляч¹⁰. Не скоро суждено нам было доехать до следующей станции. Ямщик, молодой калмык, завез нас в какие-то камыши и затем объявил, что дальше везти не может, так как боится попасть в болото. Пришлось нам самим отыскивать дорогу и проблуждать около часу по болотистой почве, поросшей высоким, саженым¹¹ камышом. Местность эта называлась Батур нур¹² и представляла собою высохшее озеро. Только часа через три добрались до следующей станции — Икэ-хурул¹³. По дороге бросили одну из данных нам трех кляч, так как она положительно отказывалась идти дальше. (6 л.) В Икэ-хуруле нам живо была доставлена очень порядочная тройка, которая чуть не в карьер доставила нас до следующей станции — Илестэ¹⁴, лежащей верстах в 12 от Икэ-хурула. Дорога все время пролегла вдоль широкой степной балки, орошаемой речкой Илестэ¹⁵; по пути на расстоянии 1,5—2 в[ерст] друг от друга нам попадались хотоны, кое-где даже виднелись возвращенные старанием калмыков пучки тополей и небольшие табачные и горчичные плантации. Из Илестэ также скоро отправились на следующую и последнюю станцию — Амта Бургуста, куда и прибыли к 8 часам вечера. После трехнедельного пребывания на

Амта Бургуста я совершил поездку на юг в Ульду-чинский хурул, находящийся в 30 верстах к северу от Маныча. Выехал я из Амта Бургуста в 5 часов утра, по направлению на юг. Верстах в 4 открылась балка реки Гашу Бургуста, называется она Гашу (горький, соленый) в отличие от Амта (вкусный, пресный); спуск в балку довольно крутой, поехали по уклону приблизительно в 10°¹⁶; растительность в балке довольно хорошая. На самом берегу речки стоит небольшой хотон из 4—5 кибиток; возле него субурган¹⁷ в честь бакши Саньчжи, умершего здесь 26 лет тому назад. Субурган этот довольно существенно отличается от тех изображений, которые мне случалось видеть в книгах: никаких особенных архитектурных украшений на нем нет; состоит он просто из четырехугольного кирпичного пьедестала, увенчанного небольшой пирамидкой; высотой это сооружение не более 1,5 сажени. Верстах в 4 отсюда переехали через речку Дундэн гол¹⁸, тоже соленую, впрочем, теперь, несмотря на дождливое время, в ней воды совсем не оказалось. В 7 час. 30 мин. утра приехали на первую станцию, Носту, лежащую от Амта Бургуста верстах в 20. По дороге на следующую станцию проехали балку речки Хүрэ тала, теперь, впрочем, совершенно высохшей, и в 45 минут добрались до Сухоту, отстоящей от Носту не более как в 8—9 верстах; Сухоту гол ранней весной бывает еще пресной, но потом делается совершенно соленою; в этом году, по случаю сильной весенней жары, воды в ней совсем нет. Лошадей в Сухоту доставили мне скоро, без замедления, минут через 20 отправился дальше. Изменили направление, едем теперь на восток. По правую руку видел опять субурган, воздвигнутый в честь Чунча ламы, умершего здесь 70 лет тому назад; проехали еще по высохшему озеру, лежащему в бассейне Сухоты, весной это озеро должно быть довольно глубоким, версты три в диаметре. На расстоянии 13 верст следующая станция на берегу речки Гочжир сала, рукава Сухоты. До следующей станции отсюда (7 л.) приблизительно 11 верст. Степь начинает понемногу утрачивать свой ровный характер, все чаще и чаще попадаются лощины и пригорки. В 8 верстах от станции переехали через Кугельтэ¹⁹ гол, текущую в довольно глубокой долине, отсюда в версте проток ее Элис сала, и, наконец, станция стоит на втором протоке Гашун сала. По дороге нам встретилось несколько курганов (толгай); в них, как говорят, древние гунны хоронили своих покойников. Насколько справедливо это мнение, я не могу утверждать с достоверностью, хотя вообще эти места должны быть очень интересны в археологическом отношении. Мне кажется засим,

¹⁰ Речь идет о лошадях.

¹¹ 1 сажень = 2,1336 метра.

¹² Б а т у р н у р — Богатырское озеро.

¹³ И к э - х у р у л — Большой монастырь.

¹⁴ И л и с т э — современный город Элиста.

¹⁵ Речка Элистинка.

¹⁶ То есть в 10 градусов.

¹⁷ Субурган — ступа, в монгольской архитектуре мемориальное сооружение, гробница лам, хранилище реликвий.

¹⁸ Д у н д э н г о л — Срединная река.

¹⁹ В тексте встречаются два написания этого слова: Кугельтэ и Кугельту.

что Күгэлту гол составляет собою едва ли не самую северную окраину распространения курганов этого рода. К югу отсюда они попадаются почти постоянно, и особенно изобилует ими долина реки Маныча. Рассказывают, что на вершинах гор, окаймляющих эту долину, находятся камни чрезвычайной величины, по-видимому, составлявшие некогда стены каких-нибудь зданий, вроде башен. В других местах там находят камни как будто с высеченными на них татарскими буквами, изображениями бычачьих голов и проч. Среди этих камней, по тем же рассказам, нередко попадаются кости, которые, впрочем, будто бы так хрупки, что их можно растереть руками, как сгнившее дерево. Некоторые из этих костей, по-видимому, кажутся сожженными.

Из всего этого должно заключить, что места, о которых мне рассказывали калмыки, должны были представлять собою кладбище каких-либо древних обитателей этих мест. Кости же являются сожженными, может быть, от обычая древних сжигать своих покойников, а может быть, и просто от степных пожаров, нередко случающихся в кочевьях калмыков. От Гашун сала дорога идет сперва по совершенно ровной степи, но на двенадцатой приблизительно версте опять начинаются увалы и возвышенности, притом довольно высокие, футов²⁰ в 300 приблизительно; не встретилось ни одной речки, если не считать рукава Гашун салы, протекающего в 1,5 верстах от этой последней. Следующая станция, в 20 в[ерстах], лежит на берегу высохшего озера Ару нур (заднее, или северное, озеро). Отсюда поехали по долине, усеянной целым рядом озер, в 8 верстах от Ару нур Дунду нур (среднее озеро), а еще далее в 7 верстах Омнó нур (переднее, или южное, озеро). На берегу этого последнего озера находится каменный дом со службами здешнего зайсанга²¹ Дондукова²². Невдалеке от дома разбит принадлежащий тому же зайсангу сад и разведен огород, все содержится в большом порядке. Здесь я уже нахожусь в южной, так называемой Манычской части Малодербетовского улуса; в административном отношении она состоит (8 л.) в ведении особого заведывающего (так!), который, впрочем, числится в звании главного помощника почечителя Малодербетовского улуса. Закусив кислым кумысом с тогушами²³, отправился далее в путь; мне дали прелестную пару²⁴, которая мигом домчала меня до следующей станции 18 верст. Проехали у озера Яламту нур, в верстах 4 от станции, далее в 5 верстах Мухай²⁵ гол (змеиная река); как озеро, так и реки, кажется, пресноводные; попадались опять по дороге курганы «толгой», на этот раз даже рядом по два и по три зараз. Станция

называется Икэ чонос от имени рода кочующих здесь калмыков. Последний считается одним из главных родов манычских калмыков, почему имя его перешло здесь и на многие урочища. Так, протекающую неподалеку отсюда речку также точно называли мне Икэ чонос, хотя, конечно, подобное монгольское название могло утвердиться за этою речкою только в позднейшее время и уже никак не ранее отвода этих земель под кочевья Икэчоносова рода. По дороге к следующей станции, отстоящей отсюда на 25—28 верст, мы переехали через Яшкал гол²⁶ и миновали русское село Булгун²⁷, расположенное у пресноводного озера того же имени, в 14 верстах от Булгуна станция Илится; это довольно большое русское село, дворов 62—65. Лошадей ни на калмыцкой почте, ни на земской не оказалось, почему мне пришлось остановиться здесь на ночлег. На другой день, в половине пятого утра, я выехал из Илится, где едва-едва мог достать для себя одну лошадь, на которой кое-как и дотащился до Ульдучинского хурула, отстоящего от Илится верстах в 18. По дороге переехал через Илится гол, Бургуста гол и Хата гол; вода во всех этих речках соленая. Здесь степь принимает уже совсем холмистый характер, и протекающие речки образуют глубокие долины.

Как видно из этого описания двух моих походов, по балкам ютятся также и русские поселения; такие русские деревни (балгасун) представляют среди общего степного однообразного пейзажа прелестное зрелище; это настоящие оазисы: при каждой из них разведены непременно рощицы пирамидальных тополей, кругом нивы, на далекое расстояние простираются сенокосные луга. Наши русские мужички сумели, одним словом, очень и очень сносно обставить свое степное житье-бытье. Относительное плодородие почвы в балках породило во многих местных администраторах мысль об искусственном лесоразведении в степи. Насколько мне кажется, попытки в этом направлении оказались далеко не удачными: может быть, одна сотая доля того, что было посажено, сохранилась, остальное же погибло. Хорошо, относительно, сохранились плантации (9 л.) в Тингуте, Илিতে и Икэ хуруле, но ведь это не более как капля в море; смотришь на это творение рук человеческих и приходишь к убеждению, что, несмотря на огромные затраты рабочих сил, капитала и интеллигентного труда, результат все таки сводится почти к нулю. Основною причиною этого неуспеха должно, конечно, почитать недостаточность изучения степи, бедность отпускаемых средств в каждом частном случае, а засим, наконец, общечеловеческие слабости: недосмотр, невнимание и т. д. Правительство сознает, впрочем, всю благодетельность практикуемого им распространения растительности в степях и оттого, несмотря на самые ничтожные успехи, еще и до сих пор не оставляет своих намерений и

²⁰ 1 фут = 0,3048 м.

²¹ З а й с а н г — родовой наследный старшина у калмыков.

²² Эмген Убуши Дондуков.

²³ Т о г у ш (калм. тогш) — круглой формы хлеб.

²⁴ Имеется в виду пара лошадей.

²⁵ М у х а й (калм. мохай) — змеиная.

²⁶ Я ш к а л г о л — высохшая река Яшкуль.

²⁷ Б у л г у н (калм.) — соболю.

заботится о поддержании самого тщательного ухода за имеющимися плантациями. Здесь имеется целый штат лесничих, которые заведуют разведением и воспитанием в степях леса. Область ведения каждого из них не превышает одной или двух десятин разведенного леса.

Обращаюсь теперь к описанию нашего пребывания в степях и своих наблюдений над жизнью калмыков.

Пребыв в урочище Амта Бургуста, мы поместились с товарищем Шулецким²⁸ в калмыцкой юрте, нарочно поставленной для нас г. Кутузовым, у которого мы проживали.

На другой день осмотрелись несколько в своем новом помещении. Калмыцкая юрта состоит из 6 деревянных решеток (тэрмэ) (их может быть и больше, смотря по богатству: 8 и даже 10). Каждая из этих тэрмэ делается из нескольких тонких деревянных брусков, прикрепляемых друг к другу посредством шарниров (удря) в двух местах, в верхней и в нижней частях, тэрмэ может таким образом складываться, что представляет большое удобство при перекочевке. Решетки эти ставятся без всяких особых прикреплений на землю. Связывают тэрмэ между собой посредством шерстяных тесемок — тэрмийн бючи; и, составляя нижнюю часть юрты, представляют собою цилиндр высотой аршина²⁹ в 1,5—2 и сажени 2—3 в диаметре, верхняя часть юрты состоит из целого ряда саженных шестов (унин), прикрепленных к тэрмэ посредством веревок (унин салдарга) под углом в 135°³⁰. Все шесты эти вдеваются наверху в отверстие (нүкэ) деревянного круга (харачи) аршина в 1,5 в диаметре, часть унин, которая вдевается в отверстие харачи, называется унина шорги. К харачи прикреплены крест-накрест четыре тонкие деревянные пластинки (цагарак), которые составляют крышу юрты. Весь этот, так сказать, остов юрты очень плотно прикрывается войлоком. Вокруг нижней части тэрмэ, кругом (10 л.) всей юрты, идет лентообразная кошма четвертей в 5 шириной (иргэбчи). Выше покрывают остальную часть тэрмэ и половину унинов турга, которых бывает 4; они имеют форму трапедий, обращенных меньшим основанием кверху, накладывают кошмы эти так, что края одной четверти на две прикрывают другую. Кошмы, находящиеся выше турга и покрывающие верхнюю половину унины, называются дэбэр. Верхняя часть юрты цагарак покрывается небольшой четырехугольной кошмой өркө, к углам этой кошмы пришиты 4 длинные ленты, которыми өркө и прикрепляется к юрте. Открывать өркө можно, по желанию, со всех четырех сторон, смотря по тому, с какой стороны солнце; делается это с помощью длинных шестов, или унин. Öркө обыкновенно бывает открыта для вентиляции и света, закрывается же она только на ночь или в слу-

чае дурной погоды. Если в юрте закрыта өркө без всяких особых на то причин — дождя или сильного ветра, то это значит, что хозяин спит и не желает, чтобы его беспокоили. В летнее время для вентиляции юрты часть открывается с той или другой стороны, смотря по направлению ветра, также и часть войлока, покрывающая тэрмэ. Шнуры, которыми привязываются кошмы, называются хошлун. Две довольно широкие ленты прикрепляются с внешней части иргэбчи к тэрмэ, одна из них называется гэрийн газана бүсү (внешний пояс юрты), внутренняя же лента, скрепляющая тэрмэ между собою, называется гэрийн дотора бүсү (внутренний пояс юрты).

В некоторых юртах, принадлежащих обыкновенно привилегированным лицам из калмыков или духовенства, на случай сильного ветра делается в юртах следующее приспособление: к верхнему деревянному кругу харачи привязывают 4 довольно прочных шнура харачин бючи и прикрепляют их к колу, который глубоко вбивают в землю посередине юрты.

В юртах простолодинов эти приспособления устроить невозможно, так как посередине такой юрты находится всегда таган. Стоимость такой юрты приблизительно можно определить в 150—200 руб., смотря по величине и качеству материала. Собрать такую юрту, т. е. воздвигнуть это жилище можно в какие-нибудь 20—25 минут. В таком довольно тесном и непрочном убежище проводят калмыки и лето и зиму; тут устанавливается все калмыцкое именишко³¹, и конечно, уже тяжелая нужда научила калмыков тому, что ни одной пяди места не пропадает даром, всякий уголок занят и имеет свое предназначение.

Обстановка обыкновенной юрты калмыка средней руки следующая: прямо против двери, которая обращена в каждой юрте на юг, (11 л.) стоит кровать (орон). Часть юрты, от входа направо, до кровати, называется зүн бэйэ, налево — барун бэйэ. Изголовье кровати обращено бывает всегда в сторону барун бэйэ. Здесь непосредственно около кровати ставится баран, т. е. сундуки, поставленные один на другой, сундуки эти всегда прикрываются ковром. На них или же над ними, на особой полочке, ставятся бурханы, т. е. изображения будды или других божеств, вместо этих изображений лежит иногда какая-нибудь священная книга, переписанная из религиозного усердия или самим хозяином, или же за его счет каким-нибудь гелюном. Пред этими священными предметами иногда по большим праздникам возжигается свечильник. Все пространство между бараном и входом служит складом седел и сбруи. Тут вообще кладется все то, что служит атрибутом мужского костюма или вооружения; на противоположной стороне юрты класть подобного рода вещи считается неправильным. Если есть в семье дочь невеста, то кровать ее ставится между кроватью хозяев и бараном. Правая от входа сторона юрты зүн бэйэ сплошь

²⁸ Шулецкий. — Лицо не установлено, возможно, студент.

²⁹ 1 аршин = 0,7112 м.

³⁰ Градусов.

³¹ Именишко. — Имеется в виду весь домашний скарб.

уставляется всякой посудой и хозяйственными принадлежностями. Непосредственно у кровати ставится архат³² — большой кожаный мешок вроде бурдюка; служит он для приготовления и хранения кумыса. С помощью эссенции старого кумыса, имеющейся на дне сосуда, готовится новый. С осени оставляется в таком архате старая закваска кумыса и хранится в нем до весны. В этих архатах образуются те кумысные грибки, с помощью которых и готовится у нас кефир. Несколько правее от архата прикрепляется к верхней части тэрмэ деревянная полка така аршина в 1,5 длины, она поддерживается снизу особенной подпоркой уача, на полке этой ставится мелкая посуда табык — сосуд для мяса, нечто вроде деревянной вазы, ага — деревянная чашка для кумыса, чаю, бульона, арки и вообще всяких питий; делается она в форме глубокого блюдечка, форма этой чашки утверждена буддийским законом; духовные лица имеют такие чашки при себе и пьют из них при общественных богослужениях, у духовных чашки эти отличаются особенно искусною токарной работой, а также качеством материала, стоимость некоторых из них доходит до 50, даже 100 рублей за штуку. Под полкой на землю ставится котел для варки арки (аркийн хайсун), маленький котел, куда перегоняется эссенция кумыса бакарсан, котел для приготовления чая (цайн хайсун); тут же кладется маленькое кожаное ведерко, служащее для черпания кумыса из архата (чигэнэ утхуца). (12 л.) Ближе к входу ставится грязная кадушка, куда выливаются бозо — остатки от кумыса; кожаное ведро (утхур) для воды и коровьего молока, для черпания воды из колодца к этому ведру привязывается обыкновенно унин, тут же под унинами продевается деревянная трубка цорго, употребляемая при перегонке арки. Посередине юрты ставится обыкновенно таган над костром из коровьего помета (аргасун). На таган этот ставится, по мере надобности, какой-нибудь из котлов. В некоторых юртах я заметил, что к верхнему деревянному кругу харачи привязывают с четырех сторон пучки сухого лошадиного навоза; это считается будто бы весьма сильным симпатическим средством против всякого рода мурашей и тому подобным насекомым. Для перекочки со всем домом и именишкой калмыку не нужно больше двух телег и двух пар волов. На одной из телег внизу обыкновенно складываются тэрмэ и унины, сверху же наваливается весь домашний скарб (хурда мурда); на другую телегу кладется войлок и эркэ, малые ребята присаживаются тут же на телеге, остальные члены семьи гонят скотину. Вот люди, которые поистине могут сказать «omnia mea tecum porto»³³. Кочевая жизнь кладет свой отпечаток на все домашнее устройство калмыка — полное отсутствие домовитости и уюта замечается всюду; всего-навсего в каких-нибудь двух-трех юртах удалось мне заметить хоть

³² А р х а т — это слово встречается в тексте рукописи и как архот.

³³ Все свое ношу с собой (*лат.*).

кое-какое старание хозяйки привести свое родное гнездо в сколько-нибудь порядочный вид. Впрочем, в извинение калмыцких хозяек, следует сказать, что женщина у калмыков бывает обыкновенно завалена такой массой работы по хозяйству, что ей решительно некогда заботиться при этом еще о соблюдении опрятности в жилище.

Другое впечатление производят юрты духовенства и привилегированного светского сословия; тут, напротив, замечается относительная чистота и даже желание щегольнуть убранством. Тэрмэ и унины выкрашены в яркий красный цвет, войлок отличается белизной и не похож на решето, как в юртах простых черных калмыков, кровать с пологом, пол устлан коврами и чистыми ширдыками (войлочными матами). В такой аристократической юрте нет тагана, нет также и сора от благовоного калмыцкого топлива — коровьего помета (аргасун).

Одним словом, такая благообразная юрта представляется довольно удобным и прочным жилищем, особенно в теплое время года.

Близ нашего местопребывания находится летняя стоянка Абаганарского хурула. На третий день по приезде мы посетили этот (13 л.) хурул. Монастырь этот, как и все калмыцкие монастыри, в летнее время кочует и располагается в юртах. Зашел к одному из монахов гелюну Лузангу. Юрта его очень просторна и обставлена весьма благообразно. На правой стороне стоит большая кровать хозяина с красным пологом, прямо против входа божница с изображениями будды и особые высокие полочки со священными принадлежностями — хонхо (колокольчик), вачир³⁴ и пр., далее от божницы стол с книгами и рабочий стол. Вся остальная задняя часть юрты устлана низкими столиками с учебными книгами для учеников. Левая от входа сторона юрты застлана войлоками для спанья и сиденья. Здесь сидят обыкновенно манчжики (послушники) и вообще младшие священнослужители. Войдя в юрту, мы заняли место, предназначенное для почетных гостей, к праву от входа у постели хозяина. Тотчас же нас стали угощать превосходным кумысом, составляющим чуть ли не единственную пищу здешних духовных. Хозяин юрты Лузанг произвел на меня самое благоприятное впечатление. Это очень почтенного вида еще не старый мужчина с бритой головой и бородой. По наружности своей священнослужители здесь вообще разнятся от простых калмыков главным образом нежностью и белизной своей кожи; происходит это, конечно, от сидячего, замкнутого образа их жизни. Тип у них кажется также как будто более облагороженным, чем общекалмыцкий. С этим гелюном Лузангом я впоследствии поближе познакомился, и от него мне удалось узнать кое-что об устройстве монастыря.

Во главе монастыря стоит бакши (учитель), он выбирается из старших монахов данного хурула и утверждается в своей должности пожизненно глав-

³⁴ В а д ж р а — ритуальный предмет в буддизме.

ным попечителем калмыцкого народа. Бакши имеет общее наблюдение за порядком в хуруле и поучает всех монахов.

Гэбкуй — выбирается из гэлонов или гэцулов на один только год; имеет наблюдение за нравственностью и вообще поведением монахов; за малые проступки имеет право наказать их своей властью, о крупных же проступках докладывает бакши и монастырской общине. Помимо сего гэбкуй смотрит за богомольцами, приходящими в монастырь, и все приносимые ими милостыни проходят через его руки. По окончании года гэбкуй отчитывается в своих действиях перед общиной.

Гунзат — выбирается из гэлонов или гэцулов без определения срока. Имеет наблюдение за исправным чтением книг и переписыванием таковых; смотрит за благолепием при богослужении. Он же главный регент хора (14 л.) и оркестра.

Нирба — казначей; в его руках находятся вся монастырская касса, скот, съестные припасы. Выбирается из гэлонов или гэцулов без определения срока, но ежегодно отдает отчет перед общиной.

Зама — эконоом, наблюдает за исправным приготовлением кушаний и питья; выбирается из гэлонов или гэцулов без определения срока. Взыскания могут быть налагаемы на монахов отдельными начальствующими лицами (бакши, гэбкуй) или же всей общиной. Крупнейшими взысканиями считаются изгнание из монастырской общины и наказание палками.

Жизнь монахов идет следующим порядком: встают монахи с восходом солнца, зимою даже до него, и тотчас же собираются на общую молитву, будит их звук священной раковины. Звук этот настолько пронзителен, что иногда он даже будил и нас, несмотря на то что мы жили, по крайней мере, в двух верстах от хурула. Общие молитвословия совершаются три раза в день. Ко времени богослужения приурочивается и общая трапеза монахов, им раздаются чай и тогуши. Все свободное от общественных богослужений время монахи проводят в чтении священных книг или молитвах. По закону монах буддийский должен всегда иметь на устах святые слова; если же их не произносить громко, то должен бормотать про себя молитву ом-ма-ни пад мэ хом. Если в разговоре случится пауза, то монах тотчас же начинает перебирать четки и читать эту свою постоянную молитву. Монахи занимаются также обучением мальчиков, которых в каждом монастыре большое количество; ученики эти распределяются между монахами данного монастыря; на вопрос «чей ты?» ученик отвечает — я такого-то гэлона, т. е. ученик этого гэлона. Под руководством старших монахов, наиболее начитанных и ученых, младшие занимаются переписыванием и печатанием книг священных.

Монахи пользуются от монастыря только общим чаем и кумысом, жилище, одежда, остальные кушанья должны быть свои у каждого; монахи, таким образом, живут не в монастырских юртах, а в своих собственных, эти юрты, а также одежду и все не-

обходимое доставляют им их ближайшие родственники. Смотри по состоянию, богатые живут в отдельных юртах, менее состоятельные собираются по два и по три в складчину. Монахи разного сана могут жить вместе, но при этом соблюдают правило, чтобы посуда у них была разная: гэлон, например, не может пить из одной посуды с гэцулом и т. д. Каждый монах должен иметь свою собственную ага, которую употребляет только он один; (15 л.) употребление этой аги завещано еще самим Буддою. По его учению, каждый из его последователей должен был собирать в свои ага доброхотные подаяния, которыми он и питался. Спать же дозволяется вместе на одной кровати, правило это, однако, очень часто нарушается. Обыкновенные молитвословия совершаются, как я уже сказал, троекратно каждый день.

В первое же наше посещение монастыря г. Кутузов заказал молебен по случаю своего благополучного возвращения в степь. Молебен совершался по этому случаю в честь Докшитов³⁵. Молебня — довольно обширная юрта с высоким, выкрашенным в ярко-красный цвет тэрмэ и унинами и покрытая белыми новыми кошмами. Юрта обращена входом на юг, в северной, т. е. противоположной от входа, части юрты стоит так называемый бурхан öргө, т. е. подставка, на которую ставят бурханы. Перед этой подставкой стоит таковых ширэ — жертвенный стол с разными резными токарными украшениями. На таковых ширэ маленькая чашечка с жертвами, тут же теплится лампадка, которая заменяется иногда простым фонарем или курящейся кужи — благовонной курительной свечой. По обеим сторонам от жертвенника стоят полки с книгами, причем у каждой книги вывешен особый билетик, на котором крупными тибетскими буквами выставлены номера томов, некоторые из книг завернуты в шелковые платки. От жертвенника до входа в два ряда поставлены низенькие скамеечки, не более как в четверть высоты. На скамеечках этих лежат аккуратно сложенные и завернутые в шелковые платки священные книги, чашки ага, стоят также священные колокольчики и вачир. Перед этими скамейками сидят в два ряда духовные, причем старшие сидят ближе к жертвеннику, а младшие ближе к входу, сидят духовные на узких и длинных коврах. Буддийское богослужение совершается в честь Докшитов с музыкой, каждый из духовных снабжен каким-либо инструментом. Главным инструментом, на котором играется вся мелодия, следует считать бишкур, нечто среднее между рожком и флейтой, на которой можно играть всего три тона, которые чередуются во всех сочетаниях в буддийских духовных мелодиях. Остальные инструменты можно назвать пригодными только для сопровождения, так как с помощью их можно издавать только один звук. 1) Дунь Бюрэ — священная раковина большой величины; привозятся эти рако-

³⁵ Докшит — гневные божества, защитники веры. Главной функцией гневных божеств является устранение врагов Учения и наказание престоупивших обеты.

вины из Китая и Индии и платят за них большие деньги. 2) Бюрэ называются и большие металлические трубы, которые бывают обыкновенно складными, длина их достигает 3 сажень, эти громадные трубы прикрепляются на ремнях к деревянным подставкам на такой высоте, чтобы в них мог (16 л.) дуть человек в сидячем положении. Исполнители на бюрэ сидят по бокам юрты, между рядами духовных и тэрмэ. Для игры на этом гигантском инструменте обыкновенно избираются монахи, отличающиеся особенно крепостью своих легких. Барабан (кенгерге) с ручкой аршина 1,5 в диаметре, бьют в этот барабан особой палкой — докур: в деревянную ручку вдетя изогнутая серпом проволока, на которую надевается кожаный шарик, этим шариком и бьют по барабану. Хонхо — колокольчик; колокольчик этот употребляется не только тогда, когда играет весь оркестр, но также во время молитвы, слова молитвы, читаемые обыкновенно старшим духовным, перебиваются звоном в этот колокольчик и хоровым пением младших. Начинается музыка также звоном в этот колокольчик, затем выводит мелодии бишкюр и вступают остальные инструменты, причем низкие тоны трубы обыкновенно заканчивают собою музыкальную фразу. Богослужение состоит из чтения молитв старшим из священнодействующих, слова молитвы повторяются всеми присутствующими духовными хором; хором поются, таким образом, обыкновенные коротенькие молитвы, состоящие из 3—4 слов, причем слова сперва произносятся медленно и раздельно, а потом постепенно ускоряются, с ускорением темпа мотив поется *crescendo*³⁶; таким образом, духовные хоры начинаются *pianissimo*³⁷, переходят постепенно в *forte*³⁸ и оканчивается *morendo*³⁹; хор сменяется оркестром, причем инструменты вступают в вышеописанном порядке. Вначале можно еще уследить играемую на бишкюр мелодию, но по мере вступления прочих инструментов она совершенно заглушается, слышны только гулкой бас бюрэ да барабаны. Уследить такты в этой музыке трудно, можно только сказать, что все исполнители хорошо узнают, когда им нужно вступать, и вступают через определенный промежуток времени, во всяком случае, мне кажется, что если хорошенько вникнуть в эту музыку, то можно бы даже отыскать и размеры, такт, во всяком случае, очень несложный 2/1 или 2/2 мотивы на бишкюре выводят обыкновенно триолями⁴⁰.

Богослужение в хурулах происходит в особых юртах, называемых сьюмэ и принадлежащих монастырской общине; в описываемом Абаганарском хуруле таких сьюмэ 4:

1) Икэ хурул — в нем совершаются утренние и вечерние молитвы и по временам большие общие молебствия.

2) Дангжийин сүмэ — назначенное для утренних и вечерних молитв и для совершения богослужения дангжик⁴¹.

3) Докшидыйин сүмэ — для утренних и вечерних (17 л.) молитв и богослужений Докшит.

4) Бага-хурул — в нем совершаются утренние и вечерние молитвы и по временам богослужение Манлай Докшит⁴².

В Икэ-хуруле и Бага-хуруле совершаются также и трапезы. Кроме этих четырех общественных юрт (сьюмэ) в Абаганарском хуруле есть еще три другие сьюмэ меньшего размера. Одна из них ставится в честь Далай-ламы; в ней хранятся три одежды этого буддийского первосвященника, другая в честь Зункавы⁴³, основателя Ламаизма, и, наконец, 3-я в честь одного местного высокочтимого бакши, в ней хранится в особом ковчеге и прах этого учителя.

Богослужения отличаются друг от друга, смотря по тому, в честь каких божеств они совершаются, причем в каждом монастыре совершается преимущественно богослужение в честь какого-нибудь одного рода божества. Мне случилось видеть богослужение Данчжик, Докшит и Манлай Докшит.

Кроме того, бывают еще и праздники, справляемые во всех хурулах без исключения; в эти дни богослужения отличаются особою торжественностью.

Для всякого рода богослужения у монахов имеются особые одеяния. Во время торжественных служб оно бывает такого рода:

1) эрэнгэ — жилет из красного грубого тибетского сукна с штыми золотом поперечными золотыми наплечниками;

2) гарак — кушак из желтого шелка шириною вершков 6;

3) оркмиги — известное обыкновенное одеяние всякого гэллона, без которого он не может совершить ни одной службы;

4) тангжи — юбка из тибетской шерстяной материи.

Сапоги духовные особы носят всегда красные. Поверх всего одеяния накидывают еще номту дэбэл, которая состоит из двух квадратных кусков материи, приблизительно аршина в три каждый, один из них, шерстяной, надевается под низ, а другой, шелковый, накидывается сверху; сшиваются эти куски так, как будто были скроены из лоскутков, по завету Будды, предписывавшего своим последователям одеваться в

³⁶ *Crescendo* (муз. термин) — все громче, с постепенным нарастанием силы звука.

³⁷ *Pianissimo* — очень тихо.

³⁸ *Forte* — громко.

³⁹ *Morendo* (= умирая) — постепенное уменьшение силы звука до полнейшего его ослабления, замирания.

⁴⁰ Триоль (фр. *triolet*) — группа из трех нот одинаковой длительности, в сумме по времени звучания равная двум нотам той же длительности.

⁴¹ Дангжик — калмыцкое произношение тибетского слова *tshig* ('клятва', 'обет'), которое здесь означает тантрийские обязательства.

⁴² Манлай Докшит — видимо, подразумевается Манла, или Будда Медицины. 15-го числа каждого лунного месяца проводятся богослужения или молебен-обращение к Будде Медицины.

⁴³ Дже Цонкапа (1357—1419) — основоположник школы тибетского буддизма Гелук.

лохмотья. Носятся эти одежды приблизительно на тот же манер, как носились римские тоги. При богослужении Дангжик (тарнистические молитвословия; в виданных мною калмыцких монастырях бывают только в честь двух докшитов — Ямандага и Багжигэ⁴⁴ Ямандага). Одевание священнослужителя состоит из таких предметов, как: 1) головной убор, на самом верху его Торгжик⁴⁵ с вачиром, прикреплен он к Чжотбану — шапке с вырезанными краями, образующими пять фестонов, на каждом из них изображено по бурхану, в середине Ми-чжотба⁴⁶, слева (18 л.) Бирюзана⁴⁷ и Аби таба⁴⁸, справа Эринжено⁴⁹ и Донробо⁵⁰. С Чжотбана спускаются вниз два пучка из лент (Даргжин) по пяти цветов⁵¹ в каждом (красный, желтый, синий, зеленый и белый). Помимо того по бокам спускаются еще три пучка волосообразных ниток (уснир); два из них падают на грудь, а один на спину; 2) наплечник из синей парчи с позументом и кисточками (доик); 3) юбка из синего шелка, украшенная пятицветным поясом. При богослужении Докшит духовные носят головной убор, похожий на остроконечный колпак с несколько загнутой вперед макушкой (оббгай).

Богослужения отличаются большею продолжительностью во время так называемого мацака⁵². Мацак бывает два раза в месяц — 15-го и 29-го числа. Впрочем, точно обозначить дни, на которые приходятся дни мацака, невозможно, так как калмыки считают лунные годы, а не солнечные.

Во время этого мацака не только монахи, но и многие из светских должны, согласно данным обетам, оставлять всякие светские дела и проводить целый день в уединении и молитве. Такие обеты даются обыкновенно светскими лицами под старость, когда они надевают уже стариковские шапки и начинают величаться эбугэнами и эмегэнами, т. е. стариками и старухами. Мне случилось видеть, однако, некоторых молодых, давших обеты и посвятивших себя посту и молитве во время мацака. Например, калмык, служивший личным прислужником

⁴⁴ Ба г ж и г э — Бегдзе или Джамсран.

⁴⁵ Тор г ж и к — от тиб. Thoḡ soḡ, ушниша — ‘пучок волос на макушке’.

⁴⁶ Ми - ч ж о т б а — дхьяни будда Акшобхья, синий. На ритуальном головном уборе ламы (в виде короны) изображены пять дхьяни будд, расположенных в соответствии с циклом тантры, в зависимости от которой расположение дхьяни будд может меняться. Например, в мандале Гухьясамаджи «в центре находится главный йидам, представленный как дхьяни-будда Акшобхья» [Зорин, 2010. С. 137, 157].

⁴⁷ Би р ю з а н а — Вайрочана, белый.

⁴⁸ А б и т а б а — Амитабха, красный.

⁴⁹ Э р и н ж е н о — Ратнасамбхав, желтый.

⁵⁰ До н р о б о — Амогхасиддха, зеленый.

⁵¹ Ленты пяти цветов символизируют цвета дхьяни будд.

⁵² По лунному календарю каждый месяц в 8, 15, 29-й лунные дни соблюдаются однодневные посты и совершаются богослужения, молебны, соответственно, в честь Зеленой тары, Будды Медицины, Защитников Дхармы.

у княгини Дугаровой, молодой парень лет 25 — каждый «мацак» освобождается от исполнения своих обязанностей; целый день занимается бормотанием постоянной буддийской молитвы ом ма ни пад мэ хом.

Восемнадцатого (по-калмыцки 29) июля ходили в хурул по случаю мацака (поста). В этот день богослужение совершалось безостановочно в течение всего дня во всех трех юртах. Обстановка при богослужении, несмотря на его продолжительность, имела вид совершенно постный, состав священнослужителей невелик; монахи в этот день меняются в молельных юртах; каждый черед длится не более часа. В оркестре отсутствуют некоторые из инструментов, например, убраны бюрэ, полки с книгами в пестрых шелковых платках. Приходившие богомольцы, в очень небольшом, впрочем, числе, молились у входа в сюзэ, потом прикладывались головами к войлоку и уходили, некоторых из них монахи окропляли святой водой аршаном, которую они брали на павлинье перо из небольшого серебряного сосуда, похожего на кофейник (бумбо).

Когда я собирал сведения о монастырском устройстве, то на мой вопрос о количестве монахов в хуруле собеседник мой гэлон Лузан очень развязно и определенно отвечал, (19 л.) что гэлон 16, гэцулов 10 и манчжиков также 10. Самый поверхностный наблюдатель, однако, с первого же раза заметит, что цифра эта далеко не соответствует действительности. В монастыре этом находится в четыре или, по крайней мере, втрое больше монахов. Как я имел случай убедиться из разговора с попечителем Малодербетовского улуса г. Хлебниковым, правительство давно уже обращало внимание на огромное в сравнении с населением количество духовенства у калмыков, а в настоящее время, заботясь об ограничении духовенства в калмыцких степях, затребовало полный список всех монахов разного сана, желая создать таким образом нечто вроде монастырских штатов. Мера эта, однако, ни к каким практическим результатам не приводит, в списках, имеющихся в Малодербетовском улусном управлении, значит, например, около 400 монахов, между тем можно смело утверждать, что их в этом улусе никак не менее 1500—2000 человек. В буддийских монастырях, так же как и в наших, всегда имеется достаточное количество богомольцев, к таким-то богомольцам и причисляются в случае опроса хурульные монахи. Действительно, огромное количество духовенства может поразить всякого свежего человека; особенно резко бросается оно в глаза во время молитвенных собраний; на этих собраниях численность духовенства, совершающего богослужение, составляет никак не менее третьей части всех молящихся.

Приходится положительно изумляться, каким образом и на какие средства содержится такая масса духовенства?! У нас принято считать калмыцкое духовенство за тунеядцев, обиравших народ и живущих на его средства. Но я положительно отказываюсь верить, что все эти гэлоны, гэцулы и манчжики

могли жить за счет своих сородичей, простых черных калмыков. Если присмотреться к той бедности и почти голой нищете, в которой живет эта меньшая калмыцкая братия, то можно прийти к твердому убеждению, что единственно на их средства не могут содержаться такие подчас даже элегантные франты, каковы их гэланы. Мне неоднократно приходила на ум мысль, не поддерживаются ли эти монастыри какими-нибудь посторонними извне приходящими средствами. Было бы весьма и весьма интересно проследить этот несколько щекотливый вопрос.

Само собой разумеется, что такой большой процент ничего не делающих безбрачных монахов, живущих притом большими массами, не может оказывать особенно благотворное нравственное влияние на народ. Требовать от буддийских монахов нравственности (20 л.) при постоянной сидячей жизни, при полном отсутствии физического труда и даже сколько-нибудь осмысленной работы было бы даже странно. В противоположность, впрочем, Монголии, где эта болезнь встречается сравнительно редко. Не удалось мне, к сожалению, за короткий срок моего пребывания достаточно уяснить себе отношение народа к духовенству и обратно. Успел я заметить, что все нравоучения монахов сводятся к бесхитростному приказанию: то-то делай, а то-то не делай, почему не делай? Потому что грех; в более пространные пояснения о различии между добром и злом буддийские

проповедники не пускаются. Простой народ смотрит на гэланов как на людей, необходимых при исполнении духовных обрядов, умеющих справить те или другие моления, но не замечается, чтобы к ним относились с тем особенным почтением и доверием, внушаемым только истинным уважением и сознанием нравственного превосходства другого человека.

Нельзя, однако, считать буддийских монахов безусловно вредными членами общества, они приносят также свою пользу. Хурулы служат единственной школой для калмыцкой молодежи, здесь молодое поколение получает все свое образование, нужно засим сказать, что грамотность развита здесь очень значительно: редкий калмык не умеет читать и писать. Ученики во время пребывания в хуруле одеваются в монашеское платье и вообще наружным видом своим ничуть не отличаются от духовных. Образование самых ученых и начитанных из гэланов отличается крайней односторонностью, многие из них, например, посвящают себя изучению специально тибетского языка и письменности, оставляя в совершенном пренебрежении свой родной язык, так что не умеют даже читать и писать по-калмыцки. Мне лично случилось встретить двух или трех таких монахов. Каждый сколько-нибудь претендующий на образованность монах должен непременно уметь разбирать и читать по-тибетски, калмыцкий язык остается на втором плане, многие из духовных даже плохо разбирают рукописи.

(Продолжение следует)

K. F. Golstunsky
The Review of the Journey into the Kalmyk Steppe
during the summer of 1886
(Edition, foreword & commentaries by S. S. Sabrukova)

«The Review of the Journey into the Kalmyk Steppe during the summer of 1886» belongs to the personal collection of K. F. Golstunsky (1831—1899) kept at the Archives of Orientalists at the IOM RAS. Scientific interests of K. F. Golstunsky included all aspects of life in the Kalmyk steppe. The author described the purpose of his journey as an intention to study the spoken Kalmyk language. These materials will be highly interesting for researchers as well as readers who would like to know more about life and culture of the Kalmyks.

Key words: steppe, yurt, spiritual, Kalmyk woman, Kalmyk language.